

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Копосов Л.Ф. Изучение истории русского языка по памятникам деловой письменности: Учебное пособие к спецкурсу. – М., 1991. – 83 с.
2. Лустра Л.Х. Основные принципы исследования экспрессивного текста // Средства выражения экспрессивности текста: Межвуз. сб. науч. тр. – Ростов-на-Дону, 1982. – С. 25-35.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XVII. – СПб., 1830.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. IV. – СПб., 1830.
5. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. – Л., 1984–1991. – Вып. 1–6; СПб., 1992.
6. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 14. Т. 27-28: История России с древнейших времен: В 18 кн. / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. – М., 1994. – 638 с.
7. Сперанский М.М. Обзорение исторических сведений о своде законов: Сост. из актов, хранящихся во 2 Отд-нии Собств. е. и. в. канцелярии. – СПб., 1837. – 197 с.
8. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. – М., 2003. – 1803 с.

A. Chistyakov

THE LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSION IN OFFICIAL DOCUMENT STYLE (ON THE EXAMPLE OF THE MANIFEST OF 24 MARCH 1766)

Abstract. This article is devoted to the choice of language units in the capacity of expressive components in the text of manifest. Russian business script of XVIII century had been reorganized and moved closer to the spoken language but in some cases it used the archaic structures and forms for special effects on the listener and the reader. This can be combined in some documents with the active use of figurative and expressive means which serves the same purpose.

Key words: history of language, business writing, expression, rhetorical figures, figurative and expressive means.

УДК 81'373

Шаповаленко Ю.В.

ФИЛОСОФСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ ЛЕКСЕМ С СЕМАНТИКОЙ 'СМЕРТЬ' КАК ОСОБЕННОСТЬ ИДИОСТИЛЯ Л.Н. ТОЛСТОГО*

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению единиц предикатной лексики (имён прилагательных и глаголов) с семантикой 'смерть', которые использует Л. Н. Толстой в романе «Война и мир» при создании образа князя Николая Андреевича Болконского. Особое внимание обращено на философское наполнение лексем, которые выявляют характерные черты образа старого князя, демонстрируя особенности идиостиля и взгляды писателя на многие актуальные вопросы бытия.

Ключевые слова: философская семантика, предикатная лексика, художественный образ, идиостиль Л.Н. Толстого.

Образ Николая Андреевича Болконского является одним из ключевых в романе-эпопее. С художественной точки зрения, даже смерть этого героя важна для раскрытия замысла автора. Во-первых, Л. Н. Толстой дорисовывает для читателя этот тип русского дворянства, во-вторых, создаёт новый сюжетный виток, связанный с судьбой княжны Марьи, в-третьих, поднимает вечные философские

вопросы, над решением которых задумываются люди, и это инициирует философскую мысль романа. Как актуальный выдвигается принцип антропоцентризма изображения, который связан с реалистической традицией русской классической литературы, основан на внимании к персонажу и образу автора, его личности как творца текста.

Исследование лексем предикатной лексики поможет выявить философское наполнение отдельных языковых единиц, а через них позицию, философские взгляды Л.Н. Толстого и особенности его идиостиля.

Лексеммы и фразеологизмы, представляющие в языковой картине мира концепт СМЕРТЬ, уже описывались лингвистами (См. Павлович Н.В., 1995; Тарасенко В.В., 2008; Чернейко Л.О., 2001; Шестак Л.А., 2003) как представляющие самостоятельный интерес для исследования, так и в сопоставлении с реализаторами антонимической парадигмы 'жизнь', оформляющими другие пласты амбивалентного концепта ЖИЗНЬ. «Языковые единицы с семантикой 'смерть' имеют особое значение в русской концептуальной картине мира, так как смерть предстает в сознании

* © Шаповаленко Ю.В.

носителей языка не только как процесс прекращения жизнедеятельности, но и как процесс перехода из состояния бытия в состояние небытия» [1, с.17].

Писатель достоверно описывает состояние старого князя перед смертью. Значительную роль в этом играют имена прилагательные, имеющие общекатегориальное значение признаковости. В целом все лексемы, представляющие в эпизодах романа тему смерти князя и тем самым концепт СМЕРТЬ, можно разделить на несколько лексико-семантических групп (ЛСГ).

К ЛСГ «Физическое состояние» относим следующие лексемы: *бессильный, бессонный, жёлтый, изуродованный, иссохший, комический, костлявый, лихорадочный, маленький, неестественный, неподвижный, узловатый, хриплый*, др.

К ЛСГ «Эмоциональное состояние, настроение» принадлежат *беспричинный, дурной, тяжёлый, ласкающий, недоверчивый, нежный, раздражительный, решительный, строгий, торжественный, уверенный*, др.

Некоторые из слов обладают широким смысловым диапазоном и могут обозначать как физическое состояние, так и эмоциональный настрой (*бессильный, лихорадочный, тяжёлый*, др.).

К ЛСГ прилагательных примыкают глаголы ЛСГ «Эмоциональное состояние», «Физическое состояние», «Речевое поведение», «Звучание», «Движение», «Мыслительная деятельность»: *возвышать, ворочать, выговорить, выразиться, делать усилия, глядеть, задёргать, задуматься, замирать, знать, кончиться, лежать, морщиться, обрушиваться, опуститься, оставить, отыскивать, передумать, прижимать, сказать, хотеться*, др.

Так описывает Л.Н. Толстой поведение Николая Андреевича Болконского: *Он сделался ещё более раздражителен, чем прежде, и все вспышки его беспричинного гнева большей частью обрушивались на княжну Марью* [2, с.561]. Прилагательные *раздражительный, беспричинный* и глагол *обрушиваться* проявляют общую сему 'напряжённость', которая становится «предвестником» дальнейших событий. Л. Н. Толстой подводит читателя к трагическому событию. С помощью языковых средств автор создаёт художественную атмосферу напряжённости. *Княжна Марья, испуганная лихорадочною, бессонною деятельностью отца, заменившею его прежнюю опущенность, не могла решиться оставить его одного и в первый раз*

в жизни позволила себе не повиноваться ему [2, с.131]. Семантика единиц предикатной лексики *лихорадочный* и *бессонный* включает сему 'нездоровье'. Лексическое значение единицы *лихорадочный* можно определить как переносное, то есть «тревожное состояние духа, сильное волнение, возбуждение» (ТСУ). Возбуждённое эмоциональное состояние Николая Андреевича Болконского репрезентируется писателем и в конструкциях прямой речи, что особенно ценно для восприятия характера героя: *«Ах, скорее, скорее вернуться к тому времени, и чтобы теперешнее всё кончилось поскорее, поскорее, чтобы оставили они меня в покое!»* [2, с.107]. По мнению Н.Н. Страхова, «автор прямо выводит лица и заставляет их говорить, чувствовать и действовать, причем каждое слово и каждое движение верно до изумительной точности, то есть вполне носит характер лица, которому принадлежит» [3].

Однако мы считаем, что лексема *теперешнее* обладает в данном контексте лексической «размытостью». За *теперешним* скрывается всё, чем жил Николай Андреевич Болконский. Семантическая структура этой лексемы многослойна, её можно рассматривать с нескольких сторон. *Теперешнее* как хозяйственные заботы и дела старого князя, *теперешнее* как физическое состояние, *теперешнее* как душевное состояние усталости от забот и людей, *теперешнее* как жизнь вообще. Отсутствие конкретного указания на что-либо или кого-либо придаёт этой единице в тексте философскую глубину – бытие. И мы склонны расценивать контекстуальное значение слова *теперешний* как совокупность всех вышеперечисленных значений, так как по своей лингвистической природе слово – сложная многомерная, разноплановая единица языка, которая может включать несколько компонентов значений и коннотаций. Также обращают на себя внимание контекстуальные партнёры: местоимение *всё*, лишённое конкретности, личное местоимение *они*, не раскрытое предыдущим или последующим контекстами, глагол *кончиться* с фазисной и в то же время возбуждённой модальной семантикой желательности, наречие *скорее*, дважды повторяемое в одном предложении, имеющее усилительное значение, междометие *ах*. Доверительность и правдивость мыслей, переданных с помощью прямой речи, подтверждается пунктуационно (использование восклицательного знака).

'Напряжённость' и 'ожидание' отражены в семантической структуре многих единиц

с семантикой 'смерть': *Везде ему казалось нехорошо, но хуже всего был привычный диван в кабинете* [2, с.106]. Прилагательное *привычный* характеризует движения Николая Андреевича Болконского. Л. Н. Толстой добивается того, что мысль о привычности и стабильности уступает место идее дисгармонии, проявляющейся в семантике связочного компонента *казалось*, значение которого проявляет такие свойства, как кажимость, ирреальность: «представляться воображению, мысли, предполагаться» (ТСУ). Наречие *везде* имеет в данном контексте неопределённое значение, расширяясь до понятия «на земле, в мире живых».

Семантика 'ожидания' раскрывает философский план, связанный с моментом, в котором пересекаются временные пласты «прошлое» и «будущее». М.М. Бахтин говорил о том, что «в литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время может сгущаться, уплотняться, становиться художественно зримым, пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [4, с. 235]. Действительно, в художественном изображении Л. Н. Толстого прошлое, как и *теперешнее*, тяготят старого князя, а будущее неопределённо, тревожно и страшно: *Диван этот был страшен ему, вероятно по тяжёлым мыслям, которые он передумал, лёжа на нём. Ему хотелось спать, но он знал, что не заснёт и что самые дурные мысли приходят ему в постели.* [2, с. 106]. В структуре лексических единиц *страшный, тяжёлый, дурной* поля концепта СМЕРТЬ проявляются семы 'мистический', 'пророческий'. Л. Н. Толстой указывает на ощущение внутренней пустоты и разбитости человека, на невозможность действовать активно, что передано в образе старого князя. *Досадливо морщась от усилий, которые нужно было делать, чтобы снять кафтан и панталоны, князь разделся, тяжело опустился на кровать и как будто задумался, презрительно глядя на свои жёлтые, иссохшие ноги* [2, с. 106]. Л. Н. Толстой, таким образом, показывает уход деятельного человека из жизни, отражая собственные жизненные наблюдения, свои философские взгляды на смерть как итог угасания тела перед переходом духа в иной мир.

Деятельность, активное движение жизни, эмоциональность, практичность всту-

пают в борьбу со старостью и физической слабостью. По Л.Н. Толстому, такое существование не могло быть жизнью для старого князя. Эта беспомощность невыносима для авторского понимания активной личности, что проявляется в использовании таких единиц, как *глядеть, морщиться, пуститься, и контекстуальных партнёров задуматься, презрительно*, которые репрезентируют самооценку князя. Князь описывается автором за привычным для него, каждодневным занятием. Эту обыденность подчёркивают текстовые номинации *кафтан, панталоны, ноги*, которые вне контекста принадлежат к безоценочной лексике. Важно учитывать, что в данном случае «имя существительное выражает не столько предметность, сколько качественную характеристику» [5, с. 156]. Наречие *презрительно* имеет значение в соответствии с семантикой производящего прилагательного «недостойный, не заслуживающий уважения, ничтожный» (ТСУ). Л.Н. Толстой на примере героя подчёркивает несоответствие деятельных порывов и физической немощи.

Л.Н. Толстой изображает неизбежность исторических событий, переданную через восприятие Николая Андреевича Болконского: *Лицо его приняло вдруг мрачное выражение [при разговоре, что войска Наполеона не смогут пройти дальше Немана. – Ю. Ш.]* [2, с. 103]. Автор показывает, что деятельный князь требует работы, и эта работа доставляла ему удовольствие, поддерживала его, являлась олицетворением самой жизни: *Когда Михаил Иванович вернулся с письмом в кабинет, князь в очках, с абажуром на глазах и на свече, сидел у открытого бюро, с бумагами в далеко отставленной руке, и в несколько торжественной позе читал свои бумаги (ремарки, как он называл), которые должны были быть доставлены государю после его смерти* [2, с.105]. Изображая деятельную натуру, Л. Н. Толстой стремится показать пример мужественного человека, который желает до последней минуты быть нужным и полезным для отечества. В семантической структуре прилагательного *торжественный* заключены семы 'важный', 'серьёзный'.

Точкой пересечения, столкновения понятий 'физический' – 'духовный' в представлении образа старого князя Болконского становится эпизод удара, который заканчивает эту борьбу. На первый план автор выдвигает имена прилагательные и глаголы с семантикой 'физическое состояние' с отрицательной коннотативной окраской, причем доминан-

той выступает лексема *беспомощный*: *Увидав дочь, он зашевелил бессильными губами и захрипел* [2, с.131]. Предикат *бессильный* является, на наш взгляд, ключевым, в представлении Л.Н. Толстым состояния старого князя в последние дни жизни. *Бессильный* – «слабый, лишённый силы» (ТСУ). Энергичный, деятельный, властный Николай Андреевич Болконский в конце жизни лишается самых дорогих для него качеств. Это состояние полной беспомощности и ничтожности поддерживается использованием партнёров-характеризаторов. Такие глаголы, как *захрипеть*, *лежать* касаются в первую очередь состояния старого князя, они лишены семантики 'деятельность'. В данном случае Л.Н. Толстой использует такие прилагательные и глаголы, которые наиболее близки по семантической структуре и содержанию, так как они репрезентируют статичные признаки и состояния.

Для достижения наиболее яркого эффекта Л.Н. Толстой использует предикатную лексику с коннотативным потенциалом: *Старый князь был в беспмятстве; он лежал, как изуродованный труп* [2, с. 132]. Писатель реалистично изображает человека в таком состоянии. Он создаёт образы всех героев эпопеи, уделяя внимание мельчайшим деталям в раскрытии как внешнего облика, так и внутреннего мира. «Константы-детали идиостиля в текстах писателя обнаруживаются в повторении, тиражировании, проявляющемся на различных уровнях. Это обусловлено, с одной стороны, предпочтительной тематикой, содержанием и проблематикой произведений, с другой, внутренней спецификой ментально-лингвального комплекса, особенностями языковой личности» [6, с. 253].

Но почему появляется такое резкое противопоставление: князь *строгий, деятельный, живой*, а потом *изуродованный труп, комический труд*? См.: *Комический труд, с которым он ворочал языком, заставлял княжну Марью опускать глаза и с трудом подавлять поднимавшиеся в горле рыдания* [2, с. 134]. Л.Н. Толстой на первый план выводит евангельскую мысль о насмешке смерти над человеком, о бренности всего сущего. Не ускользает от внимания словосочетание *ворочать языком*. Писатель не использует эвфемистические обороты, перифразы. Н.Н. Страхов писал, что «Л.Н. Толстой не только изображает свои лица с неподкупной верностью действительности, а как будто даже умышленно совлекает их с идеальной высоты. Безжалостно, беспощадно он обнаружи-

вает все слабые стороны своих героев; он утаивает ничего, не останавливается ни перед чем, так что наводит даже страх и тоску о несовершенстве человека» [3]. См.: *Он лежал высоко на спине, с своими маленькими, костлявыми, покрытыми узловатыми жилками ручками на одеяле, с уставленным прямо левым глазом и с скосившимся правым глазом, с неподвижными бровями и губами.* [2, с. 134]. Л.Н. Толстой использует подобные единицы при описании, чтобы сделать образ до конца реалистичным.

По мнению исследователей, «эстетика образа определяется сугубо индивидуальной языковой способностью писателя, обеспечивающей реализацию его творческого замысла» [8, с.256]. В семантике единиц предикатной лексики проявляется философский подтекст, связанный с идеей равенства всех людей перед болезнью, смертью и выражается авторская позиция. Сам Л. Н. Толстой говорил о том, что «мудрого не будут помнить вечно, как и глупого; в грядущие дни всё будет забыто, и, увы, мудрый умирает наравне с глупым!» [9].

Большинство исследуемых лексических единиц не содержит в своей семантической структуре сем 'личный', 'индивидуальный'. Действительно, Л.Н. Толстой подчёркивает, что, лишаясь физических возможностей, старый князь лишается и некоторых своих индивидуальных качеств, таких как строгость и решительность. Робость и покорность, столь нехарактерные для него, становятся доминантами характера в последних сценах героя: *Одно, что она увидела, было то, что прежде строгое и решительное выражение его лица заменилось выражением робости и покорности.* [2, с. 131]. Отметим, что Л.Н. Толстой в данном контексте использует не имена прилагательные, а существительные. Это обусловлено тем, что писатель на первый план выводит не особенности динамики образа, а статические признаки, что проявляется через наличие в используемых единицах предикатной лексики семантического компонента 'состояние'.

Лексемы, используемые автором для описания физического состояния, в полной мере проявляют себя в тексте и постепенно отходят на второй план, уступают место единицам с большей философской наполненностью. Именно они раскрывают не только внутренний мир персонажа, но его душу: *«Душенька... – или – дружок...Княжна Марья не могла разобрать; но наверное, по выражению его взгляда, было нежное, ласкающее*

слово, которого он **никогда не говорил** [2, с. 135]. Реплики старого князя сведены до минимума, но отдельные лексемы, благодаря структуре индивидуально-авторского слова, несут значительную нагрузку: *нежный* («ласковый, проявляющий любовь») и *ласковый* («полный лаской, проникнутый нежностью») (См. ТСУ). Значения пересекаются (что характерно для стиля Л.Н. Толстого), в тексте слова являются синонимами. Знаковой становится сема ‘любовь’, которая является доминантой, ядром в характеристике отношений между отцом и дочерью и в философской «мысли семейной» Л.Н. Толстого.

В то же время велико значение глаголов-предикатов, которые являются контекстуальными партнёрами имён прилагательных. Необычное поведение старого князя, открытость и искренность его чувств репрезентируются формой *не говорил*. Писатель ретроспективно обращается к прошлому Николая Андреевича Болконского. Затрагивается Л.Н. Толстым проблема памяти и ответственности. Форма *не говорил*, подкреплённая в контексте отрицательным местоимением *никогда*, констатирует факт и характеризует поведение старого князя по отношению к дочери. Лексема *никогда* характеризует то, чего не было, но в то же время она подводит читателя к философской мысли о времени, о его быстротечности и неумолимости. Слово сочетание *никогда не говорил*, на наш взгляд, не обладает в контексте семантикой порицания в отношении старого князя. На первый план выходят контекстуальные партнёры *нежный, ласкающий*. Именно они становятся важными, характеризуют взгляд, на который Л.Н. Толстой обращает особое внимание при создании динамичных (эволюционирующих) портретов своих героев. Старый князь как будто преображается, раскрывается, и это преображение создают особые языковые единицы: *Он утвердительно замычал, взял её руку и стал прижимать её к различным местам своей груди, как будто отыскивая настоящее для неё место* [2, с. 135]. Суть единиц предикатной лексики в данном случае «состоит в обозначении и оценке как статистических свойств, так и динамических проявлений явлений действительности, их отношений друг к другу» [10, с. 140]: «*Позови Андрюшу*», – *вдруг сказал он, и что-то детски-робкое и недоверчивое выразилось в его лице при этом вопросе* [2, с. 135]. Семантика ‘детский’, проявляющаяся в словах *детски-робкий, недоверчивый, мычать, отыскивать, прижаться* не случайна для Л.Н. Толстого и

несёт двойную нагрузку. С одной стороны, она использована для указания на физическую беспомощность, с другой стороны – на искренность старого князя, которому, по мысли автора, нет необходимости выглядеть строгим и властным. Подтверждением этого становится глагол *замычать*, употреблённый в переносном значении «издавать нечленораздельные звуки, похожие на мычание» (ТСУ). В таком описании проявляется философская идея о конечности и круговороте жизни, о похожем поведении детей и стариков, об их незащитности. Л.Н. Толстой развивает эту мысль через презентацию образа старого князя, который хочет быть рядом с теми, кого он любит, и он не скрывает этого впервые в своей жизни. Л.Н. Толстой особенно выделяет идею искренних взаимоотношений в семье. Старому князю хочется прижать к своей груди княжну Марью, увидеть и обнять князя Андрея, убедиться, что его понимают, о чём говорят соответствующие предикаты: «*Все мысли! Об тебе...мысли*», – *потом выговорил он гораздо лучше и понятнее, чем прежде, теперь, когда он был уверен, что его понимают* [2, с. 135].

См. также: *Он напомнил ей всё, в чём он был несправедлив против неё*. [2, с. 131]. В данном контексте употреблена краткая форма прилагательного *несправедливый* со значением «не следующий истине в своих поступках и мнениях» [ТСУ]. Лексическое значение прилагательного *несправедливый* может трактоваться в контексте не только как отсутствие такого качества, как справедливость, но и как нехватка многих других проявлений истинных чувств. В то же время глагол *напомнить* реализован не только в значении «воссоздать в памяти», но и в значении «просить прощение» (ТСУ). На наш взгляд, Л.Н. Толстой, описывая последние часы жизни Николая Андреевича Болконского, даёт яркий пример достойного поведения. Старый князь не только просит прощения у Марьи, но и признаёт себя виноватым, показывает, что помнит все свои грехи, и, умирая, искренне в них раскаивается. Л.Н. Толстой поднимает проблему вины и раскаяния. Лексические единицы, которые использует при этом писатель, в полной мере показывают, что старому князю присущи такие качества, как любовь, забота, уважение, не были чужды. По мнению исследователей, «творчество Л.Н. Толстого тем более уникально, что в нём реалистическая точность и правдивость деталей сочетаются с неординарными, непривычными взглядами писателя; изображение

сложностей и противоречивости внутреннего мира человека осуществляется естественным, непринужденным языком» [11, с. 140].

Экспрессия языковых единиц, использованных Л.Н. Толстым, в некоторых контекстах приобретает большую обобщённость и философичность: «*Нет, нет, его больше нет! Его нет, а есть тут же, на этом месте, где был он, что-то чуждое и враждебное, какая-то страшная, ужасающая и отталкивающая тайна...*» [2, с. 135]. Прилагательные *враждебный, отталкивающий, страшный, ужасающий, чуждый* доводят до предела семантику 'эмоциональной напряжённости'. Тип подлежащего-словосочетания со значением неопределённости по своей внутренней структуре соотносится с семантическим полем существительного *тайна*, принадлежащего к концептуальному полю СМЕРТЬ, значение которого «то, что неизвестно, не стало еще доступным познанию, нечто непонятное, неразгаданное» (ТСУ).

Большинство вышеперечисленных лексических единиц, употреблённых Л.Н. Толстым, создают картину приближения смерти: *Она по лицу отца, не грустному, не убитому, но злему и неестественно над собой работающему лицу, увидела, что вот, вот над ней повисло и задавит её страшное несчастье, худшее в жизни несчастье, ещё не испытанное ею, несчастье непоправимое, непостижимое, смерть того, кого ты любишь* [2, с. 373]. Глаголы *повиснуть* и *задавить* передают в первую очередь физическое и духовное состояние княжны Марьи. В то же время несчастье, смерть становятся чем-то *страшным, непоправимым, непостижимым*. И эта неизбежность иллюстрирует авторское восприятие действительности. Прилагательное *непостижимый* семантически близко лексеме *непознаваемый*, философская наполненность которого связана с авторской идеей о познаваемости или непознаваемости окружающего мира, бытия.

Сам Л.Н. Толстой писал: «В поисках ответов на вопрос жизни я испытал совершенно то же чувство, которое испытывает заблудившийся в лесу человек» [9]. Писатель, на наш взгляд, намеренно доводит лексическое значение неопределённости до максимума, обращая особое внимание на философские вопросы: что есть жизнь? что есть смерть?

Анализ показал, что единицы предикатной лексики с семантикой 'смерть', использованные автором, в полной мере репрезентируют и физическое состояние старого князя перед смертью, и его душевные переживания

Искусно пользуясь ресурсами языка, Л.Н. Толстой обращается к вечным вопросам жизни и смерти, которые всегда волновали его: «Когда-нибудь взаимодействие частиц прекратится - и прекратится то, что ты называешь жизнью, прекратятся и все твои вопросы. Ты – случайно слепившийся комочек чего-то. Комочек преет. Прение это комочек называет своею жизнью. Комочек раскочитса – и кончится прение и все вопросы. Жизнь человеческая есть непостижимая часть этого непостижимого «всего» [9].

Большинство лексических средств характеристики князя Николая Андреевича Болконского отличается семантической амбивалентностью. Эта двойственность касается, прежде всего, противопоставлений *физическое – духовное* и раскрывает философские вопросы ответственности и раскаяния человека, отношения к близким, к родине. Противопоставление физической немощи и детской покорности выявляет резкость стиля и коннотаций, что в свою очередь позволяет Л.Н. Толстому подчеркнуть факт равенства всех людей перед смертью. Мотив искренности и доверительности представлен через языковые единицы, включённые в состав речи персонажа, что делает образ неповторимым. Это выявляет такую особенность идиостиля писателя, как использование лексем-констант, характерных для определённого образа. Философский план произведения влияет на наличие в структуре единиц сем 'обобщённый', 'неопределённый', 'таинственный'. Эти оттенки подтверждаются и контекстуальными партнёрами: именами существительными, наречиями, местоимениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Шестак Л.А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса: монография. – Волгоград, 2003.
2. Толстой Л.Н. Война и мир – 3-4 т. – Кишинев, 1968. Цитирование примеров с указанием в скобках страниц по данному изданию.
3. Страхов Н.Н. Литературная критика/Сочинения гр. Л. Н. Толстого. – М., 1984. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0110.shtml
4. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975.
5. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М., 1972.
6. Леденёва В.В. Повтор – показатель смыслового «притяжения» в тексте // Текст. Структура и семантика: доклады VIII Международной конференции. – Т. 1. – М., 2001.
7. Страхов Н.Н. Литературная критика/Сочинения гр. Л.Н. Толстого. – М., 1984. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_

- 0110.shtml
8. Хайрутдинова Г.А. Проблема эстетики языковых единиц. – Казань, 2004.
 9. Толстой Л.Н. Исповедь. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0440.shtml
 10. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М., 1988.
 11. Кузнецова Н.А. Авторские сценарии концепта «Школа» в трилогии Л.Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» и педагогических сочинениях // Толстовский сборник – 2008. Л. Н. Толстой – это целый мир: материалы XXXI Международной Толстовских чтений: В 2 ч. – Ч. I. – Тула, 2008.
 12. ТСУ - Толковый словарь русского языка: в 4-х тт. / Под ред. Д.Н. Ушакова (электронная версия)
 13. Павлович Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. – М., 1995.
 14. Тарасенко В. В. Концепты ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в системе языка и сознании разноязычных носителей. – Кемерово, 2008.
 15. Чернейко, Л.О.; Хо Сон Тэ. Концепты ЖИЗНЬ и

СМЕРТЬ как фрагменты русской языковой картины мира // Филол. науки. – М., 2001. – № 5. – С. 50-59.

J. Shapovalenko

PHILOSOPHICAL FILLING OF LEXEMES WITH SEMANTICS 'DEATH' AS FEATURE OF IDIOSTYLE L. TOLSTOY

Abstract. This article is devoted to consideration of units of predicate lexicon (adjectives and verbs) with semantics 'death' which are used by L. Tolstoy in the novel «War and peace» at creation of image prince Nikolay Andreevich Bolkonsky. The special attention is paid to philosophical filling of lexemes which reveal characteristic features of image of old prince, features of idiosyle demonstrating writer's L. Tolstoy on actually questions of life.

Key words: philosophical semantics, predicate lexicon, artistic image, L. Tolstoj's idiosyle.

УДК 81

Юнусова Б.С.

АВТОРСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

Аннотация. В данной статье рассматриваются некоторые случаи использования авторских неологизмов в языке постмодернистской литературы. Постмодернистская литература не имеет ни определения, ни характерных черт, ни вообще каких-либо обязательных атрибутов. Основная проблема заключается в том, что предложенные постмодернизмом неологизмы могут быть соответствующим образом поняты и приняты лишь самим постмодернизмом. Это сугубо авторские неологизмы, которые понятны только при прочтении конкретного текста.

Ключевые слова: авторские неологизмы, постмодернистская литература понятны в контексте.

Комплексный анализ новых производных слов неизбежно в качестве составляющей включает рассмотрение тех словообразовательных механизмов языка, работа которых была востребована в каждом конкретном случае словопроизводства. Если словообразовательная характеристика узуальных слов отражает реализацию ресурсов, накопленных словообразовательной системой языка,

то характеристика окказионализмов выявляет в полной мере резервы этой словообразовательной системы. Новообразования в газетно-публицистическом стиле XXI в. можно рассматривать в качестве результата развития словообразовательных возможностей языка, который показывает на данном этапе взаимодействие всех способов узуального и окказионального образования. Возникает вопрос о соответствии новообразований норме. Он, в первую очередь, связан с тем, насколько при его производстве нарушены сложившиеся в языке закономерности: словообразовательный тип, модель, способ словообразования.

При образовании окказионализмов используются только им присущие окказиональные способы словообразования, которые уже давно представляют интерес для научного изучения (А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, В.П. Изотов, Р.Ю. Намитокова, И.С. Улуханов, Н.А. Янко-Триницкая и др.).

Разделяя известные способы словообразования на деривацию и композицию, выделим собственно окказиональные способы: в I случае это деривация с деформацией производящей основы («океанствовать», «смеян-

* © Юнусова Б.С.